

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

как фаворит читательских симпатий

Молодым читателям, вероятно, трудно это представить, но книголюбы со стажем должны хорошо помнить, что в 70–80-е годы минувшего века в Советском Союзе царил настоящий книжный бум. На черном рынке книги перепродавались по десять и более номиналов. Номенклатурным чиновникам приносили из книжных баз списки новинок, в которых начальники (по очереди, в соответствии с рангом) отмечали, что они желали бы приобрести (на нижестоящих экземпляров часто не хватало). Простой люд дежурил у книжных магазинов в ожидании свежих поступлений, и стоило «выбросить» на прилавок нечто из популярной серии или книгу автора, имя которого на слуху, вся партия печатного товара разметалась в мгновение ока. К таким авторам несомненно принадлежал Валентин Пикуль. Во всяком случае, к моменту первой публикации в Лениздате двухтомного романа-хроники времен Екатерины II «Фаворит» (1984) у Пикуля была уже устойчивая репутация исторического писателя, читать которого интересно.

Если какие-то книги приобретались ради серии, одинаковых красивых переплетов или потому, что наличие в домашней библиотеке соответствующего томика должно было свидетельствовать об интеллигентности и хорошем вкусе хозяина, то за Пикулем «гонялись» отнюдь не для украшения интерьера. Его действительно читали, а те, кому не доставалась очередная книга в личное пользование, записывались на нее в очередь в библиотеках, где в связи с повышенным спросом требовали вернуть экземпляр как можно быстрее. Увлекательно написанные романы и впрямь можно было проглотить на одном дыхании, но после этого возникало желание отдельные главы перечитать медленно, вникая в исторические подробности, следя не только за основным сюжетом, но и его многочисленными ответвлениями, за персонажами, которые, казалось бы, к главным действующим лицам прямого отношения не имеют.

В кратком предисловии «От автора» к «Фавориту» В. Пикуль уведомляет, что роман этот является завершением его прежних исторических хроник — «Слово и дело», «Пером и шпагой». Упомянутые произведения как раз и подготовили небывалый ажиотаж вокруг «Фаворита». С трудом верилось, что автор окончил всего лишь пять классов школы и все свои обширные знания приобрел путем самообразования. Но сам он никогда не скрывал этого. Имел

полное право гордиться своей биографией. Ведь среди его погодков, родившихся в 1928-м, настоящих фронтовиков не так уж много. А Пикуль успел всерьез схватиться с фашизмом.

* * *

В первое военное лето ему исполнилось 13 лет (13 июля). Семья Пикулей жила в Ленинграде. Отец будущего писателя, Савва Михайлович, служил матросом на эсминцах еще в Первую мировую, потом окончил институт, стал инженером-корабельщиком, ушел на фронт в звании батальонного комиссара Беломорской флотилии. А Валя, как и многие другие питерские мальчишки, дежурил на крышах домов во время налетов вражеской авиации, тушил фашистские зажигалки. В конце первой блокадной зимы удалось выехать с матерью к отцу в Архангельск. Там, в день своего 14-летия, узнав о наборе в школу юнг, Валя добивается, чтобы его (несмотря на то что возрастом еще не вышел) туда зачислили. Решающую роль сыграло предъявление школьному начальству двух толстенных тетрадей с конспектами по морскому делу. Мальчишка вывез их в числе самых необходимых вещей из Ленинграда, где прилежно занимался в пионерском кружке «Юный моряк». Он и дальше будет хранить их, спустя много лет покажет журналисту Юрию Ростовцеву, и тот в очерке для журнала «Студенческий меридиан» сделает вывод: «Юношеские тетради как бы доказывают, что писатель начинался с пытливого исследователя-систематизатора».

«Отец не осуждал меня за побег из дому,— вспоминал Валентин Саввич.— Он знал, что на флоте не дадут человеку пропасть». Сам же Савва Михайлович ушел добровольцем в морскую пехоту и погиб в одном из оборонительных боев, защищая Сталинград.

Школа юнг располагалась на Соловках. Это место дышит историей, и вполне понятно желание некоторых биографов Пикуля представить дело так, что именно там посетила его муза Клио. Однако вряд ли у него было время (да и разрешение) читать старинные книги из монастырской библиотеки. Валентин учился по классу рулевых-сигнальщиков и старался изо всех сил, поскольку отличникам предоставлялось право выбора флота и класса кораблей.

«Я выбрал Север с крутой волной, там шла большая война»,— скажет он много лет спустя. Осенью 1943 года Валентин Пикуль, с блеском сдав экзамены, получил права рулевого-сигнальщика и ступил на палубу эсминца «Грозный», все время улыбаясь от радости.

Потом его спрашивали: «Почему же улыбаясь?» А он отвечал: «Да поймите меня тогдашнего. В пятнадцать лет уже рулевой эсминца! Дело не шуточное».

Действительно, не шуточное. В Заполярье упавшего за борт считают погибшим: через пять минут пребывания в ледяной воде происходит разрыв сердца. А ведь угроза оказаться за бортом была не раз. Мало того что постоянные авиационные налеты противника, штормы, так еще, как выяснилось, у Валентина нелады с вестибулярным аппаратом (последствия травмы по пути из Ленинграда в Архангельск).

Юнгу уже хотели списать, но выручило хобби. В свободное время в школе юнг он пропадал у благоволившего к нему электрика, учившего обращению с гирокомпасами. И не зря! «За два месяца в боевых условиях,— вспоминает В. Пикуль, — переучился в акшютиста (специалиста по гироскопическим приборам для определения курса судна.— *Ред.*), а с шестнадцати лет стал командиром боевого поста. Гирокомпас работал все время, не давая ни минуты

передышки, а нас, специалистов, на корабле только двое. Значит, двенадцать часов в сутки — вахта. Так что спать все время хотелось. Это, пожалуй, больше всего и мучило. Зато сама служба несказанно радовала. Хозяйство очень сложное, больше, разбросанное по всему кораблю. В походе брызги летят через мостик, мороз воду схватывает, она твердеет кусками льдами на нежных приборах, на линзах пеленгаторов,— за все, за все мне надо было отвечать.. И как бы ни устал, как бы тяжело ни приходилось, если позвали, если нужен, всегда шел и делал то, чего от меня ждали. За это я себя тогдашнего уважал.

Поясняя, что такое профессионализм в его морской специальности, Пикуль использовал сравнение с карточными шулерами. Они срезали себе бритвой кожный эпителий на кончиках пальцев, чтобы лучше осязать незаметные для глаза «накрупы» и «надрезы», дающие им верный выигрыш. «Позволю себе заметить,— не без гордости продолжал писатель,— что я во время войны был вроде того же шулера. Я настолько изучил нервную систему своих пальцев, что наугад, на ощупь определял температуру воды, поступающей в гироскопическую систему, до десятых долей градуса. Я всегда мог на ощупь определить: тридцать шесть и семь десятых; а вот сейчас — тридцать восемь и пять десятых. Значит, надо прибавить охлаждение воды».

Война для него закончилась в четыре часа ночи на 9 мая. По судовой трансляции объявили, чтобы бачковые шли получать праздничный писк. «Именно в тот день, День Победы, я впервые побрился...»

В 1986 году В. Пикуль напишет в статье для журнала «Трезвость и культура»: «Морская служба помогла мне раз и навсегда обрести необходимую для прозаика потребность в самодисциплине, продолжительном напряжении. Сила воли помогает и в преодолении тех критических жизненных ситуаций, что не минули ни одного из нас. Вопреки всему иду, выражаясь морским термином, избранным курсом. Многие качества, в том числе и способность умело распорядиться временем, я принес с флота. Многие мои товарищи ничего не пишут только потому, что не получили в юности фронтовой закваски и уступили то ли под натиском восторженных похвал или самоуспокоенности, то ли не смогли преодолеть неизбежных в литературе неудач».

Впрочем, в 45-м он еще, по-прежнему, грезит не о литературе, а о карьере морского офицера. Но из военно-морского училища, куда он поступил по направлению, вернувшись в Ленинград после Парада Победы в Кольском заливе, пришлось уйти: «не потянул». На работу никуда не берут — «грамотенки маловато», как говорили тогда. Хотел стать парашютистом, но для этого требовалось восемь классов образования. Пожарным? Машинистом паровоза? Опять не взяли на курсы по той же причине.

«Вы только не подумайте, что в литературе меня ждали»,— как-то сказал В. Пикуль очередному интервьюеру. Действительно, опасно и для литературы, и для конкретных писательских судеб пропагандировать тезис: если ничего больше не умеешь — пиши. В этом видится откровенная профанация литературного творчества. Поэтому (запомните, читатели!) пример Пикуля — это вовсе не пример для подражания, а счастливое исключение.

То, что в 1947 году ему впервые удалось напечататься в периодике (какой-то познавательный материал о женьшене), еще абсолютно ничего не значило. Тогда же Пикуль задумал первый роман с претенциозным названием «Курс на Солнце». Якобы прочитал какую-то книгу о миноносцах Северного флота — тяготную и унылую (вполне правдоподобно, по тем временам), жутко возмущился и решил написать правдивее и лучше. Под будущую книгу даже получил по протекции Юрия Германа аванс в журнале «Звезда». Но три

варианта романа так и не дошли до читателя. Автор их уничтожил, и только в 1954 году роман, посвященный памяти юнг, «Океанский патруль», увидел свет. И хотя Пикуля за него приняли в Союз писателей, что являлось официальным признанием профессионализма, и были переиздания, сам автор впоследствии оценивал его весьма скромно, говоря, что это пример того, как не надо писать романы. Гораздо лучшей своей книгой о юнгах он считал повесть «Мальчики с бантиками» (1974), хотя она не получила громкого резонанса. Зато настоящим бестселлером стал роман «Реквием каравану PQ-17» (1979) о трагической судьбе каравана судов, разгромленных немцами в результате того, что английские корабли сопровождения уклонились от боя.

В названных произведениях писатель опирался на личный опыт. Ведь он и сам участвовал в конвоировании союзных караванов. А на вопрос: «Что побудило Вас обратиться к истории?» — он отвечал так: «Чувство неудовлетворенности. В молодости прочитал много книг о войне. Книги попадались скучные, неинтересные. Да и неправдоподобные. Если бы мы так воевали, как писали о войне, никогда бы не победили. Вот я и решил сказать свое слово. <...> У нас долгие годы находилась в застое историческая наука. Если бы в стране было нормально поставлено преподавание истории, спрос на мои романы не был бы таким. Увы, наши учебники истории написаны до того скучно! История Древней Греции, Египта, Рима у нас почему-то освещена лучше, чем отечественная. Как тут смириться?»

На первый исторический роман «Баязет» (1961) Пикуля, по его признанию, вдохновило выступление по радио писателя С. Смирнова, который рассказывал о защитниках Брестской крепости в 1941 году: «Я мучительно думал, откуда мне знакома эта ситуация, знакомы герои? И вдруг вспомнил: нечто подобное произошло при обороне крепости Баязет в русско-турецкой войне 1877 года. Много лет спустя история, можно сказать, повторилась. И таких примеров множество».

В приведенной цитате хочется обратить внимание на слова: «думал, откуда мне знакома эта ситуация, и вдруг вспомнил». Чтобы вспомнить, нужно знать. А о Баязете (особенно до пикулевского романа) вряд ли знал каждый, даже из тех, кто считает себя образованным. Это означает лишь то, что до времени написания первого исторического романа бывший юнга уже накопил достаточно обширные знания о прошлом.

«Он ходил в библиотеку, как на работу, много конспектировал, — рассказывала потом его вдова Анна Ильинична. — Многие его конспекты сохранились до сих пор — так досконально и тщательно он их создавал. Все это было переписано от руки. Конспекты заменяли Валентину Саввичу книги — денег на покупку книг тогда у него не было. Ночами он разгружал вагоны, а днем снова шел в библиотеку».

Много занимающийся изучением жизни и творчества Пикуля литературовед Сергей Журавлев утверждает, что в 1952 году начинающий писатель купил за два рубля в букинистическом магазине книгу историка Евгения Шумигорского, которая положила начало его огромной личной библиотеке. Сам Пикуль как-то рассказывал корреспонденту «Комсомольской правды», что собирать книги все-таки начал раньше, еще на развалинах послевоенного Ленинграда. И находил там настоящие раритеты — «Историю государевой свиты», «Историю правительствующего Сената», «Архив императорских театров».

Под конец жизни Пикуля о его уникальной библиотеке более чем в десять тысяч томов считал необходимым написать восторженные строки каждый,

кто делился в печати впечатлениями о посещении рижской квартиры писателя. А в Ленинграде он ютился с бабушкой в комнатухе коммунальной квартиры, писал по ночам на общей кухне, выдерживая постоянные нападки соседей за то, что зря жжет электричество.

Друг молодости Пикуля, питерский литератор Сергей Тхоржевский, убежден, что великим благом для Валентина стала женитьба на Веронике Гансовской — интеллигентной и умной женщине, которая была старше его на десять лет («без нее, кажется, он бы просто пропал»). Она жила в отдельной квартире, точнее — в переделанном под жилье чердаке на одной из Красноармейских улиц, но у Пикуля появился наконец свой кабинет, появилась возможность расставить книги и работать. А в 1963 году Вероника (рижанка по рождению) уговорила мужа обменять их чердак на гораздо лучшую квартиру в Риге.

Из Риги в мае 1972 года Тхоржевский получил от него письмо: «Натворил я кучу романов, впору взять их на тачке, но... Брат мой, сам понимаешь — мы не хозяева своей литературной жизни, любой прыщ командует и крутит твоим вдохновением, как ему хочется. Ждут меня в литературе разные передряги и ампутации глав и абзацев. Давненько я не печатался. Сам понимаешь...»

Писатель, обладавший колоссальной работоспособностью, вероятно, имел право посетовать, что его книги приходят к читателям не так быстро и не в таком объеме, как хотелось бы. Но справедливости ради надо сказать, что за десятилетие после «Баязета» у него вышло из печати четыре объемных романа, что совсем неплохо для издательской практики советских времен: «Париж на три часа», «На задворках великой империи», «Из тупика», «Пером и шпагой». Потом, до конца 70-х, кроме двух упомянутых ранее книг на автобиографической основе, изданы исторические романы «Моонзунд», «Слово и дело», «Битва железных канцлеров», «Богатство», сборник миниатюр «Из старой шкатулки».

Далее отношения Пикуля с издательствами действительно осложнились из-за публикации в журнале «Наш современник» (№ 4—7 за 1979 г.) романа «У последней черты» о роли Григория Распутина в последние годы царствования русской монархии. Роман попал под испепеляющий огонь критики. Ругали его (и поделом!) прежде всего за антисемитизм, ибо, по Пикулю, выходило, что приближенный к трону «старец» Распутин был орудием в руках еврейских финансовых кругов, которые через него действовали против России. Вытащенная на свет старая дурно пахнущая версия о «мировом сионистском заговоре» отрицательно сказалась на отношении к Пикулю демократической интеллигенции. Юрий Нагибин в знак протеста после публикации романа вышел из редколлегии «Нашего современника». Пикуля также упрекали в антиисторизме, в пересказе старых газетных сплетен о Распутине, смаковании пикантных подробностей. Автор же предпочитал объяснять гонения на книгу тем, что «брежневская камарилья» (так Пикуль в перестройку называл верхушку партийной власти) увидела в первых же опубликованных главах романа намек на современную ситуацию, коррупцию и продажность в высших эшелонах, где «голубчик Чурбанов так похож на Гришку Распутина». Из-за этого роман, который якобы в рукописи читали жены Брежнева и Суслова, был в последний момент изуродован без ведома автора. Самому же Пикулю тогда было вообще не до того, чтобы следить за публикацией: у него умирала жена.

Зная идеологическую ситуацию конца 70-х, можно полагать, что негативное отношение официальных кругов к роману о Распутине было связано не столько с темами коррупции и сионизма (обличение последнего официозом тогда только приветствовалось), сколько с тем, что о предреволюционной ситуации Пикуль рассказал как-то уж очень несерьезно, не противопоставил плохим царю, Распутину и еврейским банкирам образы «пламенных революционеров» и «лучших представителей рабочего класса». Хотя как раз это и увеличило многократно читательский интерес к написанному, поскольку всякая беллетристика с партийных позиций о том времени уже приелась до оскомины.

***

Как бы там ни было, но читателям, с нетерпением ожидающим новых произведений Пикуля, пришлось потерпеть до 1984 года, когда вышел роман «Фаворит».

«Выбросили всю польскую линию, ибо как раз в это время была “заваруха” в Польше,— жаловался автор на редакторов и цензуру в газете «Книжное обозрение» четыре года спустя,— убрали линию “гайдаматины”, отыскав в ней намеки на бандеровское движение, изъяли всю линию княгини Дашковой, ибо мои оценки этой женщины никак не совпадали с мнениями рецензентов. <...> Издательство отсекло от романа даже целую часть — заключительную, где рассказывалось о том, что было после смерти князя Потемкина-Таврического». Тем не менее и в таком виде этот роман представляет из себя огромное многоплановое полотно жизни России с 1744 года (это еще время царствования Елизаветы Петровны) по 1791-й, когда ушел из жизни Григорий Потемкин, а вознесшей своего фаворита на небывалую высоту императрице Екатерине II оставалось немногим более четырех лет из 34-х, выпавших на ее царствование.

***

«Фаворит» — роман вполне самостоятельный, но в то же время он стоит в ряду книг Пикуля, связанных между собой и последовательной хронологией, и художественно-тематической близостью. Занявшись всерьез исторической романистикой, Валентин Саввич справедливо рассудил, что всю историю охватить невозможно, и решил сосредоточить внимание на XVIII веке, а точнее — от смерти Петра I в 1725 году и до событий 1825 года. И хотя он отвлекался и на другие периоды (например, несколько романов о русско-японской войне), XVIII век оставался его любовью, в нем чувствовал себя, как среди добрых знакомых.

Открывает этот цикл роман «На задворках великой империи». Затем идут «Слово и дело», «Пером и шпагой». После «Фаворита» в этом же ряду должен был стоять роман «Аракчеевщина», но его Пикуль написать не успел.

***

Итак, перед нами «Фаворит». После жестокого лихолетья, когда русский трон занимала племянница Петра I Анна Иоанновна, а по существу страной правили приближенные к ней иноземцы (это отражено в романе «Слово и дело»), наступила «оттепель» царствования Елизаветы Петровны. Чтобы закрепить престол за потомством великого отца, императрица вызвала в Россию из немецкого герцогства Голштинии сына своей покойной сестры Анны Петровны Карла Петра Ульриха, которого стали называть Петром

Федоровичем. А вскоре с подачи прусского короля Фридриха II (Великого) подыскала ему невесту — Софью Августу Фредерику, дочь захудалого немецкого князька Христиана Анхальт-Цербстского.

Когда Фике (так называли домашние будущую императрицу Екатерину) приехала в Петербург, ей было 15 лет (р. 1729). Григорию Александровичу Потемкину (семейное прозвище — Гриц) в тот год в родовом отцовском имении Чижове на Смоленщине исполнилось пять (р. 1739). Судьба ненадолго свела их в столице 17 лет спустя: в год воцарения Петра III (1761), низложению которого в скором времени поспособствовал и адъютант дяди императора Григорий Потемкин. Но до его фаворитства было еще далеко. Потемкин занял место в покоях Екатерины лишь в 1774 году. И даже когда закончился период бурной страсти, не закончился фавор в смысле тех милостей, которыми осыпала императрица Потемкина и позволяла ему влиять на ход государственных дел.

Стремясь к максимальному эффекту, писатель, описывая детство главных героев, лишает их даже того скромного достатка, какой они имели в реальной жизни. Будущая российская императрица у Пикуля чуть ли не побирושка. Будущий светлейший князь Таврический и генерал-фельдмаршал — сын захудалого дворянина, дослужившегося, несмотря на участие во многих баталиях, только до майора и пьющего «горькую». А мать вообще показана забитой, доведенной до слабоумия женщиной. Гриц же подрастает, кормясь от сосцов собак. Между тем, есть сведения и о древности рода Потемкиных, и о том, что отец его был полковником. Мать стала впоследствии статс-дамой при дворе. Но в данном случае Пикуль, как художник, отдает предпочтение не верности фактам, а верности самой атмосфере века, поднимавшего порой людей, совсем по пословице, «из грязи в князи».

Впрочем, сам Валентин Саввич любил подчеркивать, что документы он изучает тщательно и отбирает только те факты, которым находит больше документальных подтверждений. Этим его творческий метод принципиально отличается, например, от метода Юрия Тынянова, говорившего: «Где кончается документ, там я начинаю».

Длительная эпоха екатерининского царствования (1762—1796) замечательно богата событиями и свершениями в самых разных областях деятельности. Победы в двух войнах с Османской империей, принесшие славу П. А. Румянцеву, А. В. Суворову, Ф. Ф. Ушакову, утвердили Россию на Черном море, устранили (после присоединения Крыма) многовековую угрозу татарских набегов, позволили начать освоение огромных просторов Дикого Поля. Военные победы были подкреплены дипломатическими инициативами, в первую очередь Декларацией о вооруженном нейтралитете, защищавшей свободу мореплавания и торговли и имевшей большое значение как для экономической, так и для политической жизни (в частности, поступление европейских товаров на рынки североамериканских колоний, восставших против Англии, во многом способствовало победе повстанцев и образованию Соединенных Штатов).

Впечатляющими были успехи в хозяйстве и экономике. Государственные доходы возросли с 16 до 69 млн рублей, то есть почти в четыре раза! Стремительно росли новые города. Успешно развивались основные для того времени отрасли промышленности — металлургия и ткацкое дело. Екатерина способствовала усовершенствованию законодательства и административной системы.

Вместе с тем именно в царствование Екатерины Россию потрясла крестьянская война Пугачева — крупнейшее крестьянское восстание за всю историю Европы. Тайная канцелярия, упраздненная Петром III, при Екатерине возродилась под другим именем. Жестокому преследованию подвергнут А. Н. Радищев, по распоряжению самой императрицы разгромлен кружок Н. И. Новикова.

Такова эпоха, отразившаяся в романе-хронике «Фаворит». Писатель густо населяет его страницы людьми, так или иначе оказавшими влияние на происходящее в стране. Имена одних — их судьбы, свершения — должны быть хорошо известны широкому читателю. Память о деяниях других успела покрыться архивной пылью, и несомненная заслуга Пикуля, в том, что он эту пыль сдувает.

* * *

Роман под названием «Фаворит» можно было бы с полным правом назвать «Императрица». образу Екатерины уделено особое место. При всей иронии, которую иногда позволяет автор, Екатерина выписана с явной симпатией, чего прежде в советской литературе практически не замечалось. Или не разрешалось. У нас хорошим считался только один царь — Петр I. Отчасти (при Сталине) еще Иван Грозный.

Почти одновременно с «Фаворитом» на книжных прилавках появился роман Вс. Н. Иванова «Императрица Фике». По версии Иванова, Екатерина — попросту маленькая ловкая немочка, посланная Фридрихом II в варварские края, дабы удобнее было из милитаристского Берлина управлять страной дураков, — словом, полушпионка, свято блюдущая семейные прусские интересы. У Пикуля с первых же шагов поведения Екатерины по приезду в Россию политический расчет соединяется с искренним порывом человека, захваченного красотой страны, которой предстоит стать для нее второй родиной. Она увлеченно изучает язык, историю, религию. Юная Фике (в отличие от своего жениха, а потом супруга) быстро поняла, что общество, измученное кровавым, унижавшим национальное достоинство правлением иностранцев в царствование Анны Иоанновны, не примет на троне человека чуждой культуры, далекого от насущных нужд и устремлений России.

Придя к власти, Екатерина считала престиж страны своим престижем, а ее цели — своими целями. «Русский народ, — приводит Пикуль подлинное слова императрицы, — есть особенный в целом свете». И еще: «Русская нация — величайшая в мире».

Целеустремленный, дальновидный политик, Екатерина умела и других заставить работать для достижения поставленных ею целей. Она хорошо выбирала помощников, берегла их, прощала срывы, неудачи. «Терпимость — вот главное оружие властелина. Легче всего в гнев войти да головы отрубать!» — говорит в романе Екатерина. «Помни, — обращается она к Потемкину, — что имешь дело с живыми людьми, а люди — не бумага, которую и скомкать можно. Человека же, если скомкаешь, никакими утюгами не разгладишь».

Самой же Екатерине приходилось проявлять немало терпения как раз в общении с Потемкиным. В истории их любви случались разрывы. А там действительно была любовь, а не похоть со стороны женщины и карьерный расчет со стороны мужчины, как это иногда пытаются представить в бульварной литературе. Императрица почти всегда уступала. Эти эпизоды обстоятельно воссозданы в романе. Однако Пикуль как бы обходит стороной другие — когда Екатерине приходилось выступать в роли заботливой

наставницы, «матушки», ободряющей Потемкина — политика, военачальника. Из ее обширной переписки со светлейшим, представляющей историческую и литературную ценность, выделяются письма, относящиеся к началу русско-турецкой войны. В 1787 году после первых неудач Потемкин отказался от командования, хотел «повергнуть к стопам императрицы все милости и именование», которые получил от нее, и «в уединении и неизвестности кончить жизнь свою». Письма Екатерины — своего рода психологический шедевр. Они написаны женщиной, в совершенстве знающей само- и честолюбивую натуру Потемкина, и одновременно расчетливым властителем, стремящимся сохранить талантливейшего приближенного. От письма к письму меняется тон — увещательный, требовательный, деловой и, когда кризис миновал, шуточный. Она спасла Потемкина — для себя и для империи.

«Горячей головой» называла Потемкина Екатерина. Она, конечно, имела в виду не только личную храбрость князя, но и грандиозность его замыслов, и смелость осуществления самых дерзких проектов. Эти качества ярко проявились в наиболее масштабном его начинании — присоединении Крыма и освоении причерноморских земель, названных Новороссией.

Центром обширнейшей территории светлейший собирался сделать город, имя которому выбрал со значением — Екатеринослав (с 1926 г. — Днепропетровск, без видимых перспектив на возвращение исторического названия). Тут с какой-то ликующей силой и обнаружился размах его натуры. Город должен был раскинуться на огромном пространстве в 300 квадратных верст. Потемкин предлагал построить в нем 12 фабрик, открыть университет, консерваторию, театр. Все в Екатеринославе призвано было соответствовать его будущему величию.

Торговые лавки предписывалось строить «полукружием наподобие пропилей, или преддверия афинского», здание суда должно было повторять формы древних базилик. Городской собор виделся Потемкину похожим на римский храм св. Петра.

Война с Турцией помешала осуществлению наиболее амбициозных проектов, однако же многое Потемкин успел сделать, причем в фантастически короткий срок. Даже иностранцы, сопровождавшие Екатерину в знаменитом путешествии на юг, в Тавриду, отмечали, что благосостояние новых губерний «действительно удивительно, ибо не долее как несколько лет назад здесь была совершенная пустыня».

Путешествие, как и само освоение Причерноморья и Крыма, подробно описано в романе. В. Пикуль передает и динамику исполинской, охватывающей огромные просторы стройки, и поэзию обычного сельского труда на новых, веками пустовавших землях. Чистой публицистикой воспринимается его обличение такого устоявшегося понятия, как «потемкинские деревни» в смысле декораций, показного блеска, очковтирательства. Пикуль считает рассказы о «потемкинских деревнях» не просто мифом, а клеветой, запущенной в массы врагами России, прежде всего секретарем саксонского посольства Георгом фон Гельбигом. А потом «это выражение окрылили злобой те русские помещики, которые лютейше ненавидели Потемкина как главного укрывателя их беглых крепостных; в ослеплении своем они отвергли все им свершенное и в этом удачно смыкались с Мордвиновым, который, ненавидя Севастополь и флот Черноморский, невольно выражал настроения класса помещиков-крепостников».

Романист к Потемкину равнодушен. «Он был велик. Хотя бывал и ничтожен», — пишет Пикуль, не раз заявлявший, что не любит героев однозначных, которых надо писать либо черной, либо белой краской. Но в данном случае предпочтение явно отдается светлым тонам.

«Что мы о нем вообще знаем? — спрашивает Пикуль. — Любовник Екатерины, сибарит, одноглазый, да еще враги России придумали какие-то потемкинские деревни, которых никогда не существовало.

А историку важно докопаться до истины и показать действительный образ человека, его роль в истории государства. Так вот, Потемкин — великий государственный деятель, с которым считались дворы Европы, мнение которого оспаривало мнение кабинета и самой Екатерины. Он основал Причерноморье, был первым командующим Черноморским флотом, при нем Ушаков и Суворов одержали блистательные победы.

И получается совершенно иной образ. Да, сибарит, да пил квас, да, ел репу, любил женщин. Денег, правда, не имел никогда, но протягивал руку, говорил — дай. И ему давали. И вместе с тем это — страстный патриот».

«Страстный патриот...» За эту черту — главную у многих героев Пикуля (Волынский в «Слове и деле», Салтыков в «Пером и шпагой», Горчаков в «Битве железных канцлеров») — автор готов отпустить многие грехи. И потому показательно, что в «Фаворите» умалчивается о том, что незадолго до смерти (в 1791 году) Потемкин склоняется к известной уступчивости по отношению к Пруссии, чем во многом и были вызваны его резкие размолвки с Екатериной (а не только стремлением удалить нового фаворита императрицы Платона Зубова, как представляет дело автор). Видимо, Валентин Саввич опасался, что «прусофильские» настроения Потемкина, проявившиеся действительно неожиданно в последний год жизни, могли вызвать сомнения в искренности патриотизма князя.

Любовь к герою, вполне простительная и даже полезная для автора художественных произведений, способна дезориентировать читателя, когда дело касается конкретных исторических лиц. Всем его прижизненным и посмертным противникам достается краска преимущественно черная, несмотря на декларируемый диалектический подход. Горе тем, кто не ладил со светлейшим или кого автор подозревает в недоброжелательстве к нему. По этой причине в романе досталось великой княгине Марии Федоровне, жене будущего императора Павла I, который сам, правда, не любил Потемкина.

Неудачно помянут в контексте «потемкинских деревень» адмирал Николай Мордвинов, впоследствии единственный из членов Верховного уголовного суда, отказавшийся подписать смертный приговор декабристам. Ненавистью к Потемкину, сказано о нем, он «невольно выражал настроения класса помещиков-крепостников». Как будто сам «великолепный князь Тавриды», владевший по подсчетам В. О. Ключевского «тысячами двумястами крестьянских душ», не принадлежал к их роду-племени. А его конфликт с Мордвиновым (в ту пору заведовавшим тылом Черноморского флота) возник из-за того, что адмирал не выносил присущего Потемкину барства, обвинял светлейшего в расточительстве. Защищая своего любимца, Пикуль начинает чернить Мордвинова: и управляет он-де «бумажно — директивами», и героизмом не отличается, и жена англичанка, и вообще медлит, вольтинит, опускаясь чуть ли не до саботажа...

Сомнительный слух об отравлении Потемкина Зубовым Пикуль выдает за непреложную истину. В то же время ходил и слух, будто самим Потемкиным были отравлены фавориты Екатерины Григорий Орлов и Александр Ланской. Но об этом ни слова. Избирательность очевидна.

Кстати, о слухах. Профессиональные историки чаще всего упрекают автора «Фаворита» за неодолимую склонность опираться не на прочный научный фундамент, а на вторичную «околоисторическую» информацию. Он-то сам ссылается на книги, из которых ее почерпнул. И слышит в ответ: пользуется недостоверными источниками. Ах, утверждаете, что не одним? Ну и что с того? Это еще не повод, чтобы версии, порожденные слухами, а то и сплетнями, считать правдой.

В принципе, Пикуль сам спровоцировал такого рода упреки, относящиеся не только к «Фавориту», настаивая на фактологической точности своих сочинений. Почему-то ему хотелось, чтобы его считали больше историком, чем писателем (он скромно называл себя литератором). Между тем, тот же Александр Дюма-отец, с которым Пикуля часто сравнивают, и слухами пользовался, и откровенный вымысел допускал — ничего страшного. Потому что к его произведениям существует устоявшееся отношение, как именно к художественной литературе на исторические темы. По ней не стоит изучать историю Франции, она лишь может дать к этому стимул. Так же читателю стоит относиться и к написанному Пикулем.

Был ли отцом императора Павла I не Петр III, а первый любовник Екатерины Сергей Салтыков? Имел ли место тайный брак (венчание) Екатерины с Потемкиным? Эти вопросы относятся к загадкам истории, и пока на них не найдено однозначного ответа «да», ученый обязан отвечать «нет». Романист волен выбирать свой вариант. Он обладает гораздо большей степенью свободы, правом на вымысел, воображение, художественную самостоятельность. «К чести автора, нельзя не признать, что он пользуется этим своим неотъемлемым правом в высшей степени сдержано, скупно и разумно», — написал в отзыве на «Фаворита» известный советский историк, профессор Н. Н. Молчанов. Доверимся оценке профессионала.

В том же отзыве сказано о неточностях, которые встречаются в романе, так, что фраза воспринимается как комплимент: «Их, пожалуй, не больше, а меньше, чем в некоторых научных монографиях и диссертациях». Недаром сам Пикуль любил это повторять. А при случае не отказывал себе в удовольствии и поставил на место дипломированных специалистов: «Мне приходилось слышать, что в век галломании при дворе не плясали по-русски, а я пишу об этом в “Фаворите”. Что же, раскроем дневник Степана Порошина издания 1881 года. Запись относится к 24 декабря 1765 года. На странице 560 говорится, что Екатерина плясала по-русски с руководителем нашей внешней политики. Впрочем, каждый исторический эпизод имеет у меня свою библиографию, иные насчитывают до 20—30 источников...»

Посетивший Валентина Саввича незадолго до его 60-летия и написавший о нем к тому юбилею для журнала «Москва» (№ 6, 1988) известный философ, профессор Арсений Гулыга, воскликнул: «А как он знает историю! Есть среди моих знакомых и доктора этой области знаний и даже члены Академии, но ни у кого я не встречал столь обширной осведомленности о прошлом родной страны. И это при пяти классах образования. Все знания — из книг!»

Пикуль не собирался всю жизнь извиняться за свои пять классов и оправдываться перед окончившими университеты и аспирантуры. Он уверенно утверждал: «Доверить образование самому человеку — значит признать в нем способность улучшать себя самого и сделать жизнь насыщенной и интересной». А когда Арсений Гулыга еще до встречи с писателем отправил ему письмо с пожеланиями найти взыскательного редактора и довериться ему, дабы избегать неточностей, Валентин Саввич с горечью отвечал:

«Знали бы Вы, Арсений Владимирович, какая бестолочь занимает редакционные стулья. При работе над романом “Слово и дело” моя редактриса все время порывалась убрать из романа Антиоха Кантемира — на основании:

— Так ему же в Румынии памятники ставят...

Напрасно я доказывал ей, что ставят в Румынии истуканов государю Димитру Кантемиру. Но все бесполезно: баба не могла взять в толк, что на белом свете было несколько Кантемиров.

Таких примеров можно привести множество!

Петра II редакторы правили мне на Петра I, а из Петра III делали Петра II — это у нас хоп-хны, чего стесняться!

Свержение памятника Бисмарку в Москве в 1914 году исправили на 1941 год — все-таки как-то ближе и роднее...»

Выплеснув все, что накопилось у него против редакторов (видимо, и впрямь не везло с ними Валентину Саввичу), Пикуль сокрушается по поводу читательского невежества и, в частности, пишет: «Спроси молодых о Екатерине Великой — они ответят, что это та самая, в спальню которой водили жеребца».

Ну, жеребца не жеребца, а все-таки любвеобильность этой императрицы и вольные нравы ее двора действительно имели такой большой резонанс, что его отголоски в искаженном, гипертрофированном виде докатились и до времени написания «Фаворита», проникли в массовое сознание, хотя как раз этот деликатный вопрос советские историки если и затрагивали, то вскользь. Не будет преувеличением сказать, что немало читателей ожидали, что Пикуль уделит в «Фаворите» больше внимания интимной жизни Екатерины. Он же проявил достаточно такта и сдержанности, хотя некоторые чрезмерно целомудренные критики все равно умудрились увидеть и фривольность, и скабрёзность, и (о ужас!) оправдание российского фаворитизма.

Пусть читатель, который держит эту книгу в руках, сам решит, много ли места занимает в ней «бесшабашный разврат» придворной жизни, и смакует ли такие сцены автор. Мы же, идя навстречу здоровой любознательности, расширим и упорядочим содержащуюся в романе информацию о фаворитах Екатерины, опираясь при этом не на популярные брошюры сомнительного качества, наводнившие книжные прилавки на излете перестройки (отмена цензуры!), а на очерк серьезного историка Александра Кизеветтера (1866—1933) — одного из самых блестящих учеников В. О. Ключевского. В 1922 году он был выслан из Советской России и умер в эмиграции, в Праге.

Так вот, в очерке о Екатерине А. Кизеветтер сообщает, что «по наиболее завершенному счету в ее жизни на 44 года приходится 21 фаворит, т. е. средним счетом по одному фавориту на каждые два года с того момента, когда она отдалась любовным увлечениям». За точку отсчета взят 1752 год, когда в ее жизни появился Сергей Васильевич Салтыков (1726—?). В примечаниях к переизданию «Исторических силуэтов» А. Кизеветтера (Ростов н/Д, «Феникс», 1997), кстати, честно отмечено, что Салтыков, «по мнению некоторых осведомленных современников, был отцом наследника престола Павла Петровича». А один из сердитых критиков «Фаворита» в связи с этой гипотезой почему-то ехидно пишет: «как считает автор».

Далее следует Станислав Август Понятовский (1732—1798), польский магнат, которому довелось быть в 1769—1795 годах последним королем Польши. Затем — 11-летняя связь с Григорием Орловым (1734—1783). А вот Алексея Орлова (Алехана), который якобы иногда заменял в постели брата, Кизеветтер не упоминает. Вероятно, Пикуль, рассказав о сожительстве

Екатерины с двумя братьями, доверился сомнительным «Секретным мемуарам о России» Карла Массона де Бламона, француза, состоявшего на русской службе лишь с 1786 года и черпавшего информацию от круга приближенных к великому князю Павлу, где о его матери могли говорить всякое.

Кизеветтер же пишет только то, в чем уверен: «От 40- до 50-летнего возраста (1772—1780) Екатерина сменяет не менее девяти фаворитов. То были — Васильчиков, Потемкин, Завадовский, Зорич, Корсаков, Стахийев, Страхов, Левашов, Ранцов. От 50- до 60-летнего возраста Екатерины у нее сменилось не менее пяти фаворитов — Высотский, Мордвинов, Ланской, Ермолов, Мамонов. Говорю не менее, ибо остаются еще трое — Стоянов, Милорадович и Милашевский, время связи которых с Екатериной не поддается определению. И наконец, последнее десятилетие жизни Екатерины с 1786 по 1796 г. в ее престарелом сердце царил Платон Зубов».

Упомянутого в этом списке Александра Петровича Ермолова (1754—1836) не надо путать с героем Отечественной войны 1812 года и «покорителем Кавказа» Алексеем Петровичем Ермоловым. Об Александре Ермолове Карл Массон пишет, что тот «возбудил неудовольствие Потемкина, указав на некоторые его незаконные действия, ранее, чем перестал нравиться Екатерине; надменный фаворит (так француз представлял Потемкина. — *Ред.*) потребовал и добился удаления любовника, пробывшего в этой должности менее двух лет. Ему было положено 6 тысяч душ крестьян мужского пола и 300 тысяч рублей».

Да, Екатерина щедро одаривала своих фаворитов титулами, чинами, крепостными, деньгами. Можно этим возмущаться, но, как констатирует доктор исторических наук Ю. А. Лимонов, «фаворитизм — явление типичное для самодержавного, авторитарного, деспотического, бесконтрольного правления. Оно было характерно для монархий многих стран Европы, Азии, Америки, где при этом происходило неизбежное разбазаривание государственных средств». Современников удивляло другое: милостей Екатерины удостоивались даже те, кто ее разочаровывал, на кого она имела право обижаться, кто изменял ей. «Несомненно и в женщине, и в любовнице, и в императрице все это очень исключительные и редкие черты, — изумляется тот же К. Массон. — Как чуждо подобное великодушие какой-нибудь Елизавете Английской, которая попросту казнила своих фаворитов и соперниц, или Христине Шведской, велевшей при себе убить одного из своих любовников».

Сколько бы ни насчитывали любовников у великодушной Екатерины, Григорий Потемкин занимает в их ряду исключительное место. Его смерть, несмотря на очевидное, казалось бы, для всех при дворе охлаждение отношений между князем и императрицей, привела Екатерину в отчаяние, ей пришлось пустить кровь. Сей факт зафиксирован в дневнике ее статс-секретаря Александра Храповицкого. Утром, лишь только императрица проснулась, ее первые слова были: «Теперь не на кого опереться». Барону Фредерику Гримму, с которым состояла в переписке, пожаловалась на судьбу: «Князь Потемкин сыграл со мной злую шутку, теперь вся тяжесть правления лежит на мне одной». А в следующем письме тому же Гримму она находит слова, в искренности которых усомниться трудно, ибо лукавить не было никакого смысла: «Страшный удар разразился над моей головой... мой ученик, мой друг; можно сказать мой идол, князь Потемкин Таврический умер... Это был человек высокого ума, редкого разума, превосходного сердца... у него были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими, у него были смелый ум, смелая душа, смелое сердце, благодаря этому мы всегда понимали друг друга».

***

Этой выразительной цитатой, не нуждающейся в комментариях, можно было бы и завершить предисловие, но тогда неполным окажется наш рассказ о судьбе самого Валентина Пикуля, не почившего на лаврах феноменального читательского успеха «Фаворита», а продолжавшего работу в прежнем ритме. А это значит по 10 часов в сутки, иногда по 14, а если почувствовал, что пошло, то и больше.

«Когда заканчивается период изучения материала, и я вплотную приступаю к работе над тем или иным романом, тут я становлюсь буквально одержимым,— рассказывал он литературоведу Сергею Журавлеву.— Я никуда не выхожу из дома, не разговариваю по телефону, не смотрю телевизора, ни с кем не встречаюсь и, конечно же, не позволяю себе ни капли спиртного. Даже четверть стакана пива для меня исключена. Держусь я в этот период на крепком чае. Ем всего один раз в сутки. Для меня не существует выходных или праздников.»

Он предпочитал стричься наголо, чтобы не тратить время на парикмахерские, а однажды отпустил бороду, чтобы сэкономить минуты еще и на бритве.

На вопрос корреспондента газеты «Труд: Как вы относитесь к своей профессии?»— ответил: «Это каторга! День за днем, без воскресений, без отдыха, без праздников, словно проклятый, пишешь роман за романом, словно катаешь тачку за тачкой, и амнистии не предвидится.

— Ну а зачем вам такая жизнь? — удивился корреспондент.

— Сам не знаю,— отвечал Валентин Саввич.— Наверное, по русской поговорке: взялся за гуж, не говори, что не дюж. А потом, не скрою, я ведь слишком честолюбив: для меня труд — это дело чести.»

И дальше стал говорить о том, что вдохновение ему и не снилось, что даже будучи большим, силой воли принуждает себя работать:

«Вы не думайте, что писать романы — это большое удовольствие. Совсем нет! Но иногда я задаюсь одним каверзным вопросом: почему дворяне-писатели, имевшие усадьбы и крепостных, оставили после себя двадцать-тридцать томов сочинений, а мы, дети крестьян и пролетариев, побочных доходов не имеющие, едва-едва сколотим на старости лет пять жалких томиков?»

Пикуль стремился, чтобы у него каждый год добавлялось по томику. Здоровое честолюбие (позволим себе согласиться с причиной, указанной самим писателем) заставляло каждые сутки с 00 до 04 часов и дольше «стоять собаку» (так любил он, по-морскому, называть ночную вахту). Среди стеллажей с книгами, шкафчиков с картотекой и коллекцией портретов (гравюр, литографий, фотографий), картин на стенах. Здесь же, отписавшись, ставил раскладушку и спал, по старой привычке, днем.

После «Фаворита» у него вышли книги «Крейсера», «Каждому свое», «Три возраста Окини-сан», «Каторга», «Звезды над болотом», «Ступай и не греши». Не всегда год издания совпадает с годом написания или идет за ним следом. Некоторые публикации задерживались из-за придирчивых редакторов или их осторожности, граничащей с перестраховкой, поскольку мог прозвучать начальственный окрик: «Пикуля печатать не следует... Советскому читателю это чтиво не нужно». Тем более что он неодобрительно отнесся к вводу советских войск в Афганистан. Когда уже в 1989 году его спросили «Почему?» ответил так:

«Я много занимался XVIII веком. А это был век непрерывных войн с турками. Естественно, мне приходилось описывать турецкую армию

и изучать мусульманскую религию. Так у меня выработался профессиональный интерес не только к вчерашним, но и сегодняшним делам Востока. Я читаю все сообщения о том, что происходило и происходит в Иране, Ираке, Афганистане...

На мой взгляд, ввод наших войск в Афганистан был с самого начала авантюрой. Политики, принимавшие решение, видимо, плохо знали историю.

Англия не раз пыталась вооруженным способом вмешаться в дела нашего южного соседа, но в конечном счете ее вторжение закончилось выплатой Афганистану огромных контрибуций.

Я считаю, дипломатия должна быть тесно связана с историей. Думаю, никогда не случится крупных ошибок, если дипломаты и политики, принимая ответственные решения, будут хорошо знать предысторию событий».

И все же у Пикуля на самом верху были не только недоброжелатели. Писателя злило, что когда в 1985 году вышел роман «Крейсера», один партийный вельможа, который « всю жизнь был силен тем, что имел за плечами железнодорожный техникум и умел напускать на себя вид античного мыслителя», отозвался о книге как о вредной, порочащей нашу историю. Но в 1988 году Пикуль получил за нее Государственную премию РСФСР имени М. Горького. Премию он передал жителям Армении, пострадавшим от землетрясения. Еще у него была премия Министерства обороны за роман «Из тупика». Ее он отдал рижскому госпиталю, где лечились воины-«афганцы». Гонорар, полученный за «Фаворита», внес в Латвийский фонд мира.

Да, мог себе это позволить, потому что в общем-то зарабатывал неплохо. Но тратил главным образом на старые книги, которые придерживали для него букинисты. Мебель пренебрежительно называл дровами, одежду — тряпками. Проводя большую часть времени дома или на даче (остров Булли в Рижском заливе), ходил в неизменной тельняшке и тренировочных брюках.

Большой радостью для Пикуля стала публикация в 1989 году в полном объеме романа о Распутине, которому было возвращено изначальное авторское название «Нечистая сила». На него опять появилось много отрицательных рецензий, но Пикуль упорно продолжал считать этот роман лучшим из написанного. А критики старался не читать, чтобы не портить настроение, и с вызовом говорил:

«Самым лучшим критиком для меня является жена (к этому времени после смерти Вероники Феликсовны в его жизнь вошла Антонина Ильинична.— Ред.), которая все исторические материалы прочитывает вместе со мною. Потому ее критика существенна и основана на точных знаниях тех фактов, которые употреблены мною в работе. Критик же способен только ругать меня, но критиковать не может, ибо ему незнакомы материалы. Все сводится или к огульному охаиванию, или же к «ловле блох». Критику я презираю, ибо она у нас попросту безграмотна.»

И ехидно добавлял, что его роман «Каждому свое» о французском генерале Моро критика обошла полным молчанием просто потому, что ничего не знает об оппозиции Наполеону со стороны его же генералитета.

И в самом деле: лучше, когда молчат. От полужнаек он страдал больше всего:

«Критики меня упрекают за то, что, мол, герои Валентина Пикуля, и крестьяне и аристократы, разговаривают одним и тем же языком. “А как же иначе?” — возмущаюсь я. Критики просто не знают русской истории и истории своего языка. Да будет известно им, что в XVIII веке — да! — аристократы были образованны в языках и часто употребляли французский язык. Но когда они переходили на язык природный, язык русского народа, то они — подчеркиваю это! — разговаривали тем же простонародным языком, какой

слышали крестьяне, какой употребляли кучера и прочие люди... Мало того! Пусть критики хотя бы полистают переписку аристократов XVIII века: она переполнена простонародными выражениями, в ней полным-полно тех слов, которые у нас никогда не пропустит цензура».

Читательскому вниманию к тому, что выходит из-под пера Пикуля, критика не вредила. Наоборот, только способствовала.

К последнему роману Пикуля, вышедшему при его жизни, критика была уже более благосклонна. В романе «Честь имею!» с подзаголовком «Исповедь офицера российского Генштаба» автор ведет параллельное изложение: рассказ о жизни и свершениях героя в 1914—1918 годах перебивается эпизодами, относящимися к концу 30-х годов и особенно отсылками к временам Второй мировой войны. В Советском Союзе Первую мировую иначе как империалистической не называли, а потому и о героизме в ней русских солдат и офицеров написано было мало. Пикуль ранее показал один из героических эпизодов в романе «Моонзунд», а теперь, накопив факты, позволил себе куда более широкий взгляд. От него наверняка многие впервые узнали, что русское наступление в Восточной Пруссии в августе 1914-го по существу спасло Европу. И для тех немецких военачальников, которые это помнили, поражение в 1945-м не было неожиданностью. Всякие планы агрессоров на мировое господство разбиваются о Россию — такой вывод естественно следовал по прочтению романа.

Несомненно, такие произведения способствуют воспитанию патриотизма. Кроме того, роман поработал на авторитет армии, которую в перестройку много критиковали. Актуально звучали слова главного героя: «Не стала ли русская армия зеркалом того упадка, морального и политического, который разъедает Россию?» Но он не мог с этим смириться и говорил также: «Если чиновник служит ради жалования, военный человек служит ради чести, и плох тот офицер, который не желает стать генералом».

Как тут не вспомнить прямую речь самого Пикуля: «Главное в человеке — это и в самом деле честь, а поддерживать свою честь надо не словами, а делами. Ненавижу в людях тщеславие, зато уважаю людей честолюбивых». Правда, есть у него и такие слова: «Заранее предупреждаю на случай моей смерти: я себя в своих романах не отразил, хотя в один из них даже вставил подлинный текст письма ко мне любящей женщины, которая потом меня бросила...»

***

На случай моей смерти... Одно из его интервью 1988 года (в связи с 60-летием Валентину Саввичу, обычно избегавшему журналистов, пришлось раздать их немало) в газете было озаглавлено — «Умереть за рабочим столом». Если это можно назвать мечтой, то она сбылась.

В ночь на 16 июля 1990 года, завершив очередную порцию работы над романом «Барбаросса» и не желая будить жену, он оставил на столе записку:

«Любимая! Закончил главу. Вылез на 233 стр., еще 19 глава (проходная) и две главы целиком. После чего — “от автора” и всё!

Чувствую себя хорошо, настроение бодрое».

А на следующий день у Валентина Саввича внезапно остановилось сердце. Один инфаркт уже был. 20 июля его похоронили на Первом Лесном кладбище в Риге.

В центральных газетах появился некролог, под которым первой стояла подпись Горбачева. Для людей, знакомых с номенклатурной этикой, это было удивительно. Чтобы Генеральный секретарь ЦК КПСС подписал некролог писателю, покойному нужно было бы занимать руководящий пост в Союзе

писателей или, по крайней мере, быть Героем Социалистического Труда. А Пикуль никогда никаких должностей не занимал. Из наград больше всего дорожил медалью «За оборону Ленинграда». Были еще у него ордена Отечественной войны, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Он даже не состоял в КПСС. («Я человек глубоко партийный. Но моя партия состоит из одного человека... Это я сам!») Воистину, Валентин Пикуль не ошибался, написал: «Россия — страна проклятая: в ней прежде надо умереть человеку, чтобы его признали. Очень любят у нас покойничков! Тихие они лежат в гробах, не скандалят, ничего не просят...»

Он не просил. Но сразу же после смерти роман «Честь имею!» был напечатан в «Роман-газете» рекордным даже для этого массового издания тиражом: 3 426 000 экземпляров (№ 13—14, 1990). И там же в следующем году переиздали «Нечистую силу» тиражом 3 200 000 (№ 1—3, 1991). Почти законченный роман «Барбаросса» (первоначальное название «Сталинград»), развивающий тему невозможности победы в войне против России, опубликован в журнале «Наш современник» (№ 2—8, 1991). Читатели могут убедиться, что у Пикюля получился, как он и обещал, политический роман на материале истории.

Посмертно Валентин Пикуль первым удостоен литературной премии им. М. А. Шолохова, а в 2004 году учреждена премия и его имени. Вышло собрание сочинений в 27 томах. Разные источники приводят разные сведения о переводах произведений Пикюля на другие языки, но, по минимуму, число языков, на которых читают Пикюля, никак не меньше двадцати.

Очень много делает для увековечивания памяти мужа и пропаганды его творчества Антонина Ильинична Пикуль. Ее стараниями кабинет писателя превращен в мемориальный музей-библиотеку. Посетители, конечно же, обращают внимание на множество фигурок верблюдов, находящихся там: в бронзе, в камне, в дереве, пластмассе. Валентин Саввич собирал скульптурные изображения животного, с которым любил сравнивать себя: «Арабский скакун мчится красиво и быстро, но выбивается из сил, падает мертвый — не выдержал. А верблюд тащится, над ним смеются, издеваются, а он — сколько бы на него не навалили — дойдет! Так и я: пусть смеются, пусть оплевывают, черт с ними, все равно до того кишлака, куда мне надо, я доберусь!»

Антонина Ильинична, ныне сама член Союза писателей России, является автором и составителем четырех книг. Название «Валентин Пикуль. Из первых уст» говорит само за себя. Вторая книга «Уважаемый Валентин Саввич» составлена из писем читателей, которые обращались к нему именно так. Одни делились своими историческими изысканиями, рассказывали истории своих семей, близких; другие, наоборот, нуждались в подсказке знатока истории, русского портрета, генеалогии; третьи просто спрашивали житейского совета: как быть, как поступить? Третья — «Я мерил жизнь томами книг» — включает в себя автобиографические заметки, интервью на телевидении, в прессе. И, наконец, четвертая книга — «Живет страна Пикюля» — это воспоминания о писателе, читательские отзывы о его произведениях.

***

В год своего 60-летия Валентин Пикуль сказал, что для осуществления всех своих замыслов ему надо прожить, по крайней мере, еще столько же. Известно, что Валентином Саввичем были задуманы романы «Прима» о балерине Анне Павловой, «Демон поверженный» о художнике Михаиле Врубеле, «Царь-баба» о правительнице Софье, старшей сестре Петра I. Мы уже упоминали о романах-

хронике «Аракчеевщина». Был у писателя еще любимый государственный деятель Петр Столыпин, о котором он тоже, наверняка, написал бы. Но и того, что он успел, хватило бы на несколько творческих жизней.

Прогнозы скептиков, что, мол, с появлением на книжном рынке большого количества исторической литературы, в том числе старых авторов, долгое время пребывавших под запретом, книги Пикуля окажутся ненужными, не оправдались. Ими по-прежнему зачитываются.

Принято считать (и это правильно), что новая волна интереса к какой-либо книге поднимается после ее экранизации. Разумеется, если киноверсия удалась. По Пикулю еще при его жизни сняли несколько фильмов. «Моонзундом» режиссера А. Муратова он остался доволен. Другие просто не смотрел. К предложению американцев экранизировать «Фаворита» отнесся настороженно. Отказал, опасаясь, что получится пошлый порнографический фильм: «Екатерину и Потемкина первым делом уложили бы в постель. Ну и остальное в том же духе... Извратили бы суть романа, его направленность».

И вот в 2005 году восьмисерийный фильм для телевидения сделали кинематографисты России. Трудно судить, как отнесся бы к этой работе писатель, но точно, что пошлости и порнографии там не нашел бы.

Режиссер Алексей Карелин говорит, что для него главным было рассказать об интересных людях: «Да, они жили в XVIII веке, да, они ходили в странных одеждах и жили во дворцах. Но они же были людьми... Людьми со своими страхами и радостями, чувствами и переживаниями. И мне стало очень интересно поместить их в фантастические обстоятельства (именно фантастические, потому что мы доподлинно не знаем, как жили в XVIII веке, можем только строить предположения по дошедшим до нас источникам) и понаблюдать, как они будут существовать в них».

По ощущению режиссера получалась не банальная мелодрама «о любви и дружбе и солдатской службе». В сценарии, как и, естественно, в книге, по которой он был написан, фигурировали очень мощные персонажи, и, несмотря на предсказуемое развитие сюжета, за ними безумно интересно наблюдать.

...И возникает на экране заснеженная Россия, в которую едет со своей матерью 15-летняя Фике, или Софья Августа Фредерика, принцесса Анхальт-Цербстская. Перед ней открывается огромная страна. Впереди — крещение и новое имя «Екатерина». Торжественное бракосочетание, скука супружеской жизни, восшествие на престол и... мечта иметь рядом мужчину, чья любовь и понимание помогли бы ей выстоять в трудном деле. И такой в России нашелся...

Жизнь «Фаворита» продолжается.

Юрий Славянов

От автора

Пушкин предрекал: «...имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории», а Герцен позже писал, что «историю Екатерины Великой нельзя читать при дамах». Имена этих людей, спаянные единой страстью и ненавистью, общими викториями и поражениями, нерасторжимы в давности русской. Потемкин никогда не стал бы «князем Таврическим», если бы его миновала любовь Екатерины, но и она не рискнула бы титуловаться «Великой», если б ее не окружали русские люди, подобные Потемкину!

Летопись придворного фаворитизма в России часто писалась дегтем на кривобоких заборах. Однако в бесконечной череде куртизанов встречались и умные люди, страстные патриоты: они дерзко вторгались в Большую Политику, управляя не только коронованной любовницей, но и всем государством.

Среди таких баловней счастья первое место принадлежит светлейшему князю Потемкину-Таврическому, и громадное значение его деятельности в истории развития нашего Отечества уже никем не оспаривается.

Петр I удачно разрешил проблему Балтийскую.

Потемкину выпала честь завершить проблему Черноморскую.

Именно этот человек и станет нашим главным героем.

Роман «Фаворит» является логическим завершением моих прежних исторических хроник «Слово и дело», «Пером и шпагой». Я старался не повторять самого себя, и потому некоторые эпизоды романа написаны с учетом того, что читатель уже знаком с предыдущими фактами, а значит, ему понятна взаимосвязь событий...

В этом романе только один вымышленный герой, но образ его создан на основе подлинных фактов. Все остальные — достоверные личности, а диалоги их подтверждены перепискою и другими документами той эпохи.

Рождение

(вместо пролога)

оцветали на Москве сады и огоро-
ды, душно было.

В окна залетали пчелы, гудя
отяжеленно — к дождю.

На соседнем дворе князей Хо-
ванских бранились прачки, хлес-
тали одна другую жгутами мокро-
го белья.

И плыл в небе змей бумажный —
детишки баловались.

— Эх! — сказал инвалид. — Налью-ка остатнюю...

Конечно, ежели тебе уже на седьмой десяток, а ты в секунд-майорах за-
сиделся, то фортуна злодейская пророчит явное: генерал-аншефом тебе,
красну молодцу, не бывать. От этого предвидения майор полков пеших
пребывал в давнем унынии и водку потреблять изволил, кою и закусывал
карасями сушеными.

1732 год обозначился тогда на Руси...

Издавна ведомо, что воинство инвалидами украшается. А когда от пока-
леченных уже неумоготу, разгоняют их по домам, дабы, на полатах отле-
живаясь, они язвами своими никому глаза не мозолили. Был зван и майор
в коллегии воинскую — ради учинения смотра врачебного. А ежели для
геройства батального негоден, будут абшид ему давать без пенсии. Опохме-
лясь щами прокисшими, исправно пошел он себя комиссии предъявить.
За столом присутствия сиживали чины некии, весьма лютые.

— Назовись, — потребовали, — кто таков, и поведай нам о страданьях
своих. Но языка не трепли попусту, а докладывай экстрактно, потому как
время обеденное, а мы с утра раннего сидим тут не пивши, не евши — ка-
леками разными утруждаемся...

Майор толковый рапорт учинил для комиссии:

— Зовусь я Ляксандром Потемкиным, сын Васильев; дворянин роду
старого, именишки мои в провинциях Пензенской да Смоленской; душ
крепостных имею с полсотни; в супружестве — да! — сопряжен, но за дав-
ностью лет жены не помню, а детками боженька обидел...

Затем, раздеваясь, стал майор инвалидностью наглядно хвастать: под Азовом из лука татарского в бок стрелен, под Нарвою прикладом шведским по черепу шаракнут, у Риги порохом обожжен изрядно, под Полтавою палашом зверски рублен, а в несчастном Прутском походе рука колесом мортиры помята, отчего персты худо гнутся. Но тут усмотрел он в ряду начальственном «бывого» солдата, который у него раньше в подчинении состоял. А теперь проныра солдат, происхождения «подлого», сам будучи майором, за столом комиссии красовался — при шпаге и португее с шарфом.

— А ты, гнида, каким побытом середь дворян затесался?

На что ему было ответствовано: чтобы шумства не учинял, иначе его под руки выведут и в протокол вставят. Майор Потемкин поспешно натянул портки, мундир застегнул проворно:

— И пропади вы все с абшидом без пенсии! Лучше уж сгнию в инфантерии, а посрамления чести шляхетской не потерплю...

Через два года после этого казуса, в уважение инвалидности, отставку Потемкину все-таки дали.

— Езжай, — велели начальники, — до дому своего и сиди там тихохонько. Время сейчас таково, что бубнить по углам не пристало...

Было время правления Анны Иоанновны — кровавой!

Александр Васильевич с Москвы-то съехал, но лошадак завернул не на Смоленский тракт, чтобы жену навестить, а занесло его в пензенские края, в убогое именишко Маншино, что лежало на Киевской дороге. Тут его и попутал лукавый!

Вот уж истинно: седина в бороду — бес в ребро...

* * *

Потемкин жену свою Татьяну и впрямь позабыл. От стола-то свадебного его сразу в инфантерию Петра I затолкали, и закувыркало недоросля в битвах да маршах, только успевай поворачиваться. Не оттого ли и не поехал он, сам старый, на родную Смоленщину, чтобы не видеть жены, тоже старой?

А живя в своей деревеньке, заметил у соседей Скуратовых вдову молоденькую — Дарью Васильевну, что вышла из роду Кондыревых (была она на тридцать лет моложе майора). И полюбилось инвалиду в село Скуратово наезживать. Приедет — честь честью, всем дворянам поклон учинит, а Дарье Васильевне — персонально:

— Уж не кажусь ли я противен тебе, красавушка?

На что вдовица отвечала ему всегда прямодушно:

— Да вы, сударь, еще худого-то ничего не свершили, так с чего бы вам противным казаться?

И стал Потемкин соблазнять молодницу на любовь.

— Мужчины нонеча, — отнекивалась Дарья Скуратова, — очень уж игривы стали, мне, вдовице, опасаться их надобно.

— Так я... тоже вдов, — соврал ей Потемкин; стал он ласкаться к Скуратовым, на одиночество жалуясь, что, мол, негде и головы приклонить. Вот ежели б Дарья-то свет Васильевна дни мои скрасила, — намекал майор, — так я на руках бы ее носил!

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Славянов. Валентин Пикуль как фаворит читательских симпатий	5
---	---

КНИГА ПЕРВАЯ ЕГО ИМПЕРАТРИЦА

РОЖДЕНИЕ (<i>вместо пролога</i>)	23
Действие первое	
МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА ФИКЕ	32
Действие второе	
СТУДЕНТ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА	73
Действие третье	
ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ МИНЕРВА	109
Действие четвертое	
КОНФЛИКТЫ	164
Действие пятое	
КАНУН	232
Действие шестое	
НАПРЯЖЕНИЕ	286
Действие седьмое	
РОССИИ — ПОБЕЖДАТЬ	337
Действие восьмое	
КРЫМ — БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ	389
Действие девятое	
ПЕРЕД БУРЕЙ	434

КНИГА ВТОРАЯ ЕГО ТАВРИДА

ПАМЯТНИК (<i>пролог, могущий стать эпилогом</i>)	488
Действие десятое	
ЧУЖИЕ ПРАЗДНИКИ	493
Действие одиннадцатое	
ЗОЛОТОЙ ВЕК	549
Действие двенадцатое	
ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ	602
Действие тринадцатое	
БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО	658
Действие четырнадцатое	
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	715
Действие пятнадцатое	
ЗА ЧЕСТЬ РОССИИ	772
Действие шестнадцатое	
ГРОМ ПОБЕДЫ, РАЗДАВАЙСЯ!	842